

ТЕМА ДЕТСТВА В РУССКОЙ МЕМУАРИСТИКЕ

Сведения о проблемах ребенка, его воспитании и обучении мы черпаем из сочинений педагогического характера, основанных на разных взглядах и мнениях. Рекомендации воспитательного плана дают «прецедентные тексты», значимые для формирования взглядов общества, известные предшественникам и современникам. Однако, необходимо отметить, что реальное детство в ту или иную эпоху состоит из множества различных судеб и далеко не равнозначно тому, о чем говорят педагогические трактаты. Чтобы приблизиться к знанию о детстве не только в академических, но и бытовых проявлениях, увидеть его в живых и ярких красках, необходимо обращение к другим источникам, которыми являются мемуары.

Ценность этих материалов о детстве в их документальности. Они неопровержимо свидетельствуют: вот что остается в памяти навсегда, вот что воскрешается в ней и через полвека, и спустя семьдесят лет! И это воскрешаемое есть сущностное, оно важно, сладостно или мучительно, но оно живо в человеке, прошло с ним весь его путь, сопровождает его и сегодня.

Для того, чтобы разобраться в сложных и актуальных проблемах дня сегодняшнего, необходимо вернуться к истокам, вновь вслушаться в голоса эпохи ушедшей.

Темы «детство» и «мемуары» обычно рассматриваются совершенно отдельно друг от друга. Но даже когда они соединены, то исследователей интересуют исторические, социально-экономические, этнографические проблемы. Среди авторов нужно прежде всего назвать Николая Александровича Рыбникова [9]. Среди западных работ одной из последних является антология «Destiny Obscure». *Autobiographies of Childhood, Education and Family from the 1820s to the 1920s* Барнетта [2].

Данная тема нашла отражение и в работах В.Г.Безрогова, Б.М.Бим-Бада, О.С.Кошелевой, Т.П.Кравцовой, О.С.Муравьевой, И.А.Пеннера, Ю.Шлюмбама, С.А.Экштута.

Автобиографическая память – сущностное свойство человека, она присутствовала в нем во все времена. Человек не просто помнит свое прошлое, он не может без этой памяти осознавать себя как личность.

Всякое конкретное будущее имеет начало. Как-то один из самых глубоких европейских мыслителей – поэт Уильям Вордсворт (1770-1850) – заявил: «Ребенок – отец старца». И тем самым тесно связал детство со всей судьбой и характером человека.

Однако варианты, в которых происходит перенесение автобиографической памяти на бумагу, неисчислимы. Письменные тексты о

собственном детстве дают его обобщенный образ, выделяют те черты, которые представлялись важными при его описании.

Целью нашей статьи является попытка показать особенности дворянского воспитания, нашедшие отражение в мемуарах известных людей.

Цель позволила обозначить задачи: выделить сферы развития – интеллектуально-познавательную (рациональную), мотивационно-ценностную (эмоциональную) и нравственно-практическую (волевою), которые представлены через особенную, уникальную жизнь, но имеет и типические черты.

В отличие от возможного целостного подхода к использованию мемуаров в биографическом ключе (т.е. сравнения детства человека с его взрослой судьбой, изучения истории жизни определенной личности), нами был избран подход системный. Группировка текстов воспоминаний вокруг определенных проблем является не просто способом расположения материала, а методом его анализа. Этот метод намеренно разбивает цельность биографии человека. Мы осознанно абстрагируемся в достаточной степени от персоны автора воспоминаний, так как, по сути дела, нас интересует не она, а определенная проблема, связанная с феноменом детства. Однако, такое абстрагирование не может носить абсолютный характер, так как не существует неперсонифицированного детства, оно всегда «чье-то», оно локализовано в определенном времени и в определенной культуре. Поэтому авторы воспоминаний нами выбраны по преимуществу из людей известных.

Воспоминания как литературный жанр в гораздо большей степени, чем научные исследования, передают дух и аромат времени, и происходит это через субъективное восприятие автора. Воспоминания широко используются в качестве материала для разного рода гуманитарных исследований, источники личного происхождения являются для них наиважнейшими.

Издавна русское дворянство вело ежегодные записи своей государственной службы, записи браков и смертей, входившие в состав семейных родословно-разрядных сборников. Получалась своего рода домашняя летопись. До середины XIX в. часто встречалось название «Записки», которыми обозначались и мемуары, и автобиографии, и дневники. Г.Г.Елизаветина отмечает, что у многих «летопись своей жизни» представляла собой ежегодный скупой перечень жизненных событий, в первую очередь связанных с государевой службой, и описание исторических персон и происшествий, оказавшихся связанными с нею [3, 236].

Тема детства появилась в русской письменной традиции лишь в XVIII в. Она возникла в рамках нового литературного жанра воспоминаний о своей жизни. Детство оказалось в фокусе внимания лишь тех, кто решился писать о самом себе, активизированная автобиографическая память уводила их вглубь, к годам детства.

Но существовал и другой тип авторов, которые придерживались нарративного повествования, рассказывали в нем о себе, отмечая незначительные с исторической точки зрения, но значимые для самого автора события жизни (автобиографии).

Но должно было пройти целых полстолетия, прежде чем воспоминания о детстве успешно утвердили себя в качестве самостоятельного, самоосознанного литературного жанра.

В XIX в. ценность воспоминаний о детстве видится в их вкладе в становление адекватного самосознания. Это хорошо отразил Гете: «...ведь именно в том и заключается поучительность подобных очерков, что человек узнает из них случившееся с другими людьми и научается понимать, чего он может ожидать от жизни. Таким образом, что бы с ним ни случилось, он знает заранее, что это случается с ним, как со всяким человеком, а не с каким-нибудь особенным счастливцем или несчастливцем. Если такое знание не может предотвратить зла, то оно все-таки полезно в том смысле, что дает нам возможность выносить или даже преодолеть его» [3, 83].

В XIX-XX вв. для всех видов и типов воспоминаний становится обычным включение в них разделов о детских годах. Изложения периодов младенчества, детства и юности в литературе этого времени стали более объемными, акцент постепенно переместился с описания объективных условий, в которых проходило формирование автора, на воспоминания о субъективном восприятии ребенком тех или иных событий, о его отношении к разным явлениям окружающего мира.

Приблизительно с конца первой трети XIX в. в воспоминаниях о детстве появляются размышления о значимости детства для самого автора, а вместе с ними во многих мемуарах помещается и вступительная к эпохе детства часть, в которой авторы затрагивают следующие проблемы:

- 1) причины, побудившие их начать писать о своем детстве;
- 2) анализ важности и значимости детского периода для их взрослой жизни;
- 3) возможности памяти адекватно воспроизвести впечатления ребенка.

Как правило, мемуары пишутся на склоне лет. Авторы их преследуют разные цели: оправдаться, выявить значимость собственной жизни и своей личности, преподнести свою жизнь как образец или урок для потомков, запечатлеть важные события и интересных людей, встретившихся в жизни; уйти в милое, далекое прошлое от безрадостной старости, на время вернуться в «утраченный рай» детства; осмыслить итог своей жизни, закономерности своей судьбы, самого себя.

Таким образом, это история самого себя, своей души, своей деятельности и в то же время и свидетельство культурных образцов той или иной эпохи, памятник литературного жанра, документ своего времени.

История семьи, судьба ее, собственное воспитание и обучение оказались в этих текстах на первом плане, она является предметом особого внимания и размышления. Собственно, речь шла о «внешнем» воздействии взрослых на маленького человека, и оттого, сколь правильно и умело оно было произведено, зависела его дальнейшая жизнь. Судьба каждого ребенка – определенный педагогический эксперимент, о результате которого может лучше всех судить сам подросший автор. Важно сохранить этот опыт, его зафиксировать, чтобы дать пищу для размышлений будущим поколениям. Исследователи русской

мемуаристики, в частности А.Г.Тартаковский, сходятся в том, что авторы воспоминаний и дневников никогда не предполагали писать их для печати [10].

Идеи ушедшей эпохи господствовали, развивались, детализировались и подвергались сомнению вплоть до недавних времен. Постмодернизм сегодняшнего дня знаменует их кризис. Для многих стало очевидным, что «проект» освобождения человека через образование, принес человечеству гораздо меньше, чем от него ожидалось. Постмодернизм еще весьма далек от того, чтобы стать массовой идеей, и тем не менее он отражает реальный поворот в европейском сознании постиндустриального общества.

Рассматривая тему детства поколений второй половины XIX в., мы вынуждены выйти за его пределы, обращаясь к автобиографическим текстам начала XX в., написанным на склоне лет людьми, жизнь которых принадлежала ушедшему столетию, именно его дух и воззрения они стремились отразить и сохранить.

«Люди, будьте человечны, – писал в свое время Ж.-Ж.Руссо, – это ваш первый долг: будьте такими для всех состояний, для всех возрастов, для всего, что не чуждо человеку... Любите детство; поощряйте его игры, его забавы, его милый инстинкт. Кто из вас не сожалел иногда об этом возрасте, когда на губах вечный смех, а на душе всегда мир?» [5, 56].

Такое отношение к детству и к воспитанию оказалось совершенно противоположно тому, что стало привычно советскому обществу 20-30-х годов. Оно по большей части приняло в штыки педагогические советы Руссо.

Иные времена избирали иные идеалы, мир детства осваивался постепенно во всем его многообразии, далеко не исчерпанном. Однако, как нам кажется, эта проблематика продолжает оставаться важнейшей, интересной и поучительной.

Среди сословий русского общества своей отчетливой ориентацией на некий умозрительный идеал выделялось дворянство. В прошлом веке еще встречались люди, поражающие нас и сегодня почти неправдоподобной честностью, благородством, тонкостью чувств. Литературные описания передают их особенное, забытое обаяние, которому современники уже не в силах даже подражать. Они выросли такими не только благодаря незаурядным личным качествам, но и благодаря особому воспитанию.

При этом необходимо иметь в виду, что «дворянское воспитание» – это не педагогическая система. Это прежде всего образ жизни, стиль поведения, усваиваемый отчасти сознательно, отчасти бессознательно: путем привычки и подражания. Это традиция, которую не обсуждают, а соблюдают. Это принципы, которые реально проявлялись в быте, поведении, живом общении. Ю.М.Лотман писал, что русское дворянство после Петра I пережило изменение, значительно более глубокое, чем простая смена бытового уклада: та область, которая обычно отводится бессознательному, естественному поведению, сделалась сферой обучения. Возникли постановления, касающиеся норм бытового поведения, поскольку весь сложившийся в этой области уклад был отвергнут как неправильный и заменен правильным – европейским.

Вхождение в светское общество требовало от дворянина не столько учености, сколько умения соответственно себя вести, определявшегося тогда словом «людскость». Танцы, фехтование, навыки езды верхом и знание того, как быть обходительным и галантным становились необходимыми в обучении дворянских детей. Светское поведение не ограничивалось знанием норм этикета, оно должно быть естественным и непринужденным, жестко контролирующим собственные эмоции, уверенным и одновременно мягким. Очевидно, что умение держать себя – из тех умений, что передается только из рук в руки, путем наблюдения и непроизвольного подражания, впитывания в себя атмосферы той среды, где это умение было развито до уровня искусства.

Дворянская семья была тем островком в волнующемся океане жизни, который дарил своим обитателям спасительную уверенность, спокойствие и твердость, пока и эти островки не захлестнули волны революционной смуты.

Насколько мы можем судить по мемуарам, дворянство сумело сохранить значительную часть своих семейных традиций вплоть до последних лет существования царской России, хотя в наиболее чистом, классическом виде они представлены в конце XVIII – первой половины XIX века.

Отношение к детям в дворянской семье с сегодняшних позиций может показаться излишне строгим, даже жестким. Высокий уровень требовательности определялся тем, что воспитание ребенка было строго ориентировано на норму, зафиксированную в традиции.

Если попадались хорошие наставники (что было нередко), то детям жилось, несмотря на воспрещение шуметь при старших, вмешиваться в их разговоры и приучение к порядку и хорошим манерам, легко и весело» [7, 56].

В самом деле, по свидетельствам мемуаров, за редкими исключениями, семейный дом для дворянского ребенка – это обитель счастья, с ним связаны самые лучшие воспоминания, самые теплые чувства. Не случайно, авторы воспоминаний, как правило, не придают значения строгости предъявлявшихся к детям требованиям.

Несмотря на строгость воспитания и многие муки от него перенесенные, несмотря на трудность и поверхностность обучения, лишь в единичных случаях авторы воспоминаний в чем-то упрекают своих родителей. Жизнь в семье вспоминается с удовольствием, нежностью и любовью, родителям воздается дань благодарности, их образы стараются запечатлеть для потомков. Родительское благословение, сделанное перед смертью, свято поминается, как и последние наставления, обычно при этом произносимые. Во многих вариантах, записанных в воспоминаниях, главным всегда остается одно – надейтесь на Бога и он вас не оставит.

Но необходимо отметить, что вне определенной культурной традиции, в другой общественной атмосфере подобные отношения были бы невозможны или трудно осуществимы даже при тех же личных качествах отцов и детей.

При воспитании ребенка учитывалась храбрость, которая считалась безусловным достоинством дворянина. Храбрость считалась обязательным качеством и для девочки. Подчас последующие события драматическим образом сами изменяли характер предыдущих восприятий. Пусть пережитое,

выстраданное и привычное было дорого человеку, но иногда приходилось многое вытеснять новым. Как бы трудно это ни было. «И я сжег все, чему поклонялся, поклонился всему, что сжигал». Е.Мещерская вспоминает, что старший брат Вячеслав считал своей обязанностью заниматься ее воспитанием. Зная, что сестра боится грозы, он втащил ее силой на подоконник раскрытого окна и подставил под ливень. От страха Катя потеряла сознание, а когда пришла в себя, брат вытирал своим носовым платком ее мокрое лицо и приговаривал: «Ну, отвечай, будешь еще трусить и бояться грозы?». Потом неся девочку на руках вниз по лестнице, он сказал: «А ты, если хочешь, чтобы я тебя любил и считал своей сестрой, будь смелой. Запомни: постыднее трусости порока нет» [6, 76]. Е.Мещерская, будучи уже старой женщиной, вспоминает этот случай из своего детства без обиды и возмущения. Напротив, она с удовольствием замечает: «И я никогда больше не боялась грозы» [6, 77].

В судьбе декабристок современного человека едва ли не в первую очередь поражает то обстоятельство, что привыкшие к роскоши барыни добровольно обрекли себя на материальные и бытовые лишения. Между тем современники оценивали их поступок прежде всего как акт политический. Ю.М.Лотман отмечал, что сам факт следования жены за мужем в ссылку не был в восприятии русского дворянина чем-то из ряда вон выходящим. Еще в допетровскую эпоху семья ссыльного боярина, как правило, следовала за ним в добровольное изгнание, где ее ждали отнюдь не комфортные условия жизни. Русские дворянки были и психологически, и физически подготовлены к трудностям жизни.

«Хорошее общество» было лишь малой частью русского общества, неизменно бурлящего в противоборстве различных идеологических и политических сил. Дворянская культура уже с середины XIX века испытывает сильнейшее давление со стороны «демократической», начинается напряженное соперничество между старым дворянством и все громче заявляющей о своих правах разночинной интеллигенции. За пределами родного дома и избранного круга дворянская молодежь сталкивалась с иными жизненными ценностями, иным стилем поведения, нежели тот, к которому их тщательно приучали с детства. Следование традициям часто отстаивалось во враждебной к ним среде и требовало немалого упорства. Ребенок, воспитанный в дворянской семье, должен был любые трудности и удары судьбы переносить, не падая духом и не теряя собственного достоинства.

В воспоминаниях Е.Мещерской описывается, как после революции 1917 года они с матерью поселились в рабочем поселке, где княгиня устроилась на работу поварихой. В первую ночь им пришлось спать на голом полу, подложив под голову доски. Девочка почти не спала и к тому же занозила себе ухо. Когда утром мать вытаскивала ей занозу, Катя громко расплакалась, даже не от боли, а «от нашей нищеты, причины и смысл которой были мне не понятны, плакала потому, что наше будущее представлялось мне безнадежным. «Я не знала, что у меня дочь такая плакса, – почти равнодушно сказала мать... Откуда такое малодушие? Чтобы я больше никогда не видела ни одной твоей слезы...» [6, 121].

Этот пример отличает «силовое поле» этических требований, которые выводили любые проявления малодушия и слабости за рамки достойного поведения. Нравственный облик человека формирует не уровень материального благополучия, а уровень этических требований.

Е.Мещерская свидетельствует: «Рожденная в роскоши, слыша с детства со всех сторон разговоры о нашем богатстве, привыкшая к большому штату слуг, вежливых и предупредительных, не знаю почему, я не впитала в себя идей, приписываемых нашему привилегированному сословию, и ни у меня, ни у брата, ни у кого из моих сверстников не было в крови той иждивенческой психологии, которую я впоследствии встречала и сейчас встречаю иной раз у нашей молодежи». Нам не должны казаться преувеличенными признания Кати Мещерской: «И когда в первый же вечер, придя с работы, моя мать принесла мне свой ужин, мне показалось, что я получила звонкую пощечину» [6, 129].

Вскоре, нарушив запрет матери, Катя устроилась в школу преподавать музыку своим сверстникам. Рассерженной матери она твердо заявила: «Не сердитесь на меня, прошу Вас! Вы все еще считаете меня ребенком, а я ведь все, все вижу! И Ваши страдания. Ну поймите вы меня: я сама должна зарабатывать себе на хлеб!»

Человек взрослеет, но детская душа живет в нем; ничто не умирает в человеке, пока он жив. Мое прежнее «я», еще вчера такое живое и пылкое, таясь, живет во мне и сегодня, и стоит мне отрешиться от злобы дня, как оно всплывает на поверхность, – констатировал Хосе Ортега-и-Гассет.

Наша статья не может претендовать на полноту охвата проблемы, на ее всесторонний анализ, она лишь подводит к дальнейшей работе. Тем более, что задача у нас остается той, что сформулировал виднейший педагог XVIII в. И.И.Бецкий: «Образовать детей счастливыми людьми и полезными гражданами» [1, 120].

Литература

1. Бондарев А.А. Образование и воспитание / А.А.Бондарев // Трибуна русской мысли. – 2002. – № 4. – С. 3-7.
2. *Destiny Obscure. Autobiographies of Childhood, Education and Family from the 1820s to the 1920s* / Ed.by J.Burnett.J.;№V.,1994.
3. Елизаветина Г.Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. / Галина Георгиевна Елизаветина. – Москва, 1982. – С. 236.
4. Корасева К.П. Семейное воспитание и школа в России в мемуарной и художественной литературе / Кира Петровна Корасева. – М.: Наука, 1994. – 285 с.
5. Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Избранные статьи / Юрий Михайлович Лотман. – Таллинн, 1992. – С. 56-57.
6. Мещерская Е. Воспоминания // Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина / Екатерина Мещерская. – М.: Худож. лит., 1995. – С. 77-129.
7. Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина / Ольга Сергеевна Муравьева. – М.: Наука, 1995. – 280 с.

8. Павлова Н. Образ детства, образ времени. О современной автобиографической прозе / Нина Петровна Павлова. – М.: УРАО, 1990. – 186 с.
9. Рыбников Н.А. Юношеские дневники и их изучение / Николай Александрович Рыбников. – М.: УРАО, 1990. – 230 с.
10. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX веков / Александр Григорьевич Тартаковский. – М.: Наука, 1991. – 270 с.

Анотація

В статті розглядаються особливості відображення теми дитинства в російській мемуаристиці дев'ятнадцятого століття. Нами була зроблена спроба показати особливості дворянського виховання, що знайшло відображення в мемуарах відомих людей.

Були виділені сфери розвитку – інтелектуально-пізнавальну (раціональну), мотиваційно-ціннісну (емоційну) і морально-практичну (вольову), які представлені через особливе, унікальне життя, але втілює і типові риси.

Розглядаючи тему дитинства, автор звертається до автобіографічних текстів покоління другої половини XIX та початку XX століть.

Ключові слова: тема дитинства, жанр автобіографії.

Аннотация

В статье рассматриваются особенности отражения темы детства в русской мемуаристике девятнадцатого столетия. Нами была сделана попытка показать особенности дворянского воспитания, что нашло отражение в мемуарах известных людей.

Были выделены сферы развития – интеллектуально-познавательную (рациональную); мотивационно-ценностную (эмоциональную) и морально-практическую (волевою), которые представлены через особенную, уникальную жизнь, но воплощают и типические черты.

Рассматривая тему детства, автор обращается к автобиографическим текстам поколения второй половины XIX и начала XX столетий.

Ключевые слова: тема детства, жанр автобиографии.

Summary

This article considers peculiarities of reflection of the topic “Childhood” in Russian memoirs of XIX century. We made a try to show special features of noble bringing up that were fixed in memoirs of famous people.

The spheres of development were distinguished – intellectual-cognitive (rational), reasonable-valuable (emotional), moral-practical (resolute), which are showed through unique lifestyle but also embody typical traits.

Considering the topic of childhood the author uses biographical texts of generation of the second half of XIX and beginning of XX centuries.

Key words: childhood, autobiographical genre.